

ББК 60.524.258

*С.А. Шаламова***Особенности отклоняющегося поведения
молодёжи Иркутска в конце XIX – начале XX в.**

Ключевые слова: девиантное поведение, норма, молодёжь.

Key words: deviant behaviour, norm, youth.

В условиях начавшейся модернизации и урбанизации конца XIX – начала XX в. сибирское общество подверглось значительным трансформациям в различных сферах, в том числе и социальной. Изменениям подверглась и существующая традиционная система ценностей и норм, начался процесс переоценки существовавших ценностей в среде молодого поколения, а также адаптация к новым ценностям, которые нес с собой капитализм.

Молодёжь представляет собой особую социально-демографическую группу, переживающую период становления социальной зрелости. Особенности молодёжи заключаются в позиции, которую она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, а также в том, что молодёжь обладает способностью не только наследовать, но и преобразовывать сложившиеся общественные отношения. Ценности и социальные ориентиры молодёжи во многом определяют будущее общества. Поэтому исследование молодёжи дореволюционного города представляется весьма актуальным и интересным при определении места молодёжи в общих процессах модернизации рубежа XIX – начала XX в., в том числе и на уровне социальных аномалий в молодёжной среде [1, с. 161–162].

Под отклоняющимся (девиантным) поведением мы понимаем действия индивида или группы, не соответствующие принятым в обществе нормам, в результате чего эти нормы и нарушаются [2, с. 32–41]. Под влиянием модернизации конца XIX – начала XX в., когда ощущался динамизм социальных процессов, разрушение привычных форм социального контроля неизбежно приводило к количественному росту отклонений, их качественному изменению. В данном случае социальные отклонения могли принимать самые различные формы (грубость, ложь, неуважение к родителям, хулиганство и т.д.), вплоть до крайних форм девиации (преступность, алкоголизм, проституция и т.д.).

Дореволюционный Иркутск, являясь крупным областным губернским центром Восточной Сибири, способствовал как культурному развитию молодёжи, так и девиации в молодёжной среде. Интересно, что отклонения от ожидаемой нормы воспринимались многими представителями старших поколений как реальные или мнимые объективно неизбежные воз-

растные особенности поведения молодых людей. Старшее поколение отмечало, что развивавшийся капитализм и приносимые им изменения в значительной степени ломали существовавшую традиционную систему воспитания. Распущенная молодёжь среди ремесленников дошла до того, что «один извозчик, имеющий сына 17 лет, вынужден был обратиться к содействию полиции, чтобы оградить себя от дерзостей сына, который стал пьянствовать, пропадал из дома на несколько дней, и, которому он стал делать выговор за подобное поведение. Блудного сына, по просьбе отца держали в “чижовке” трое суток» [3, с. 3].

В купеческой среде уже встречались случаи суда родителей и детей из-за денег. Например, в 1883 г. иркутский купец Елтышев взыскивал со своего сына 130 рублей. Так, по судебному ведомству часто проходили дела о непочитании родителей детьми. Современники отмечали, что кабаки сильно портят молодёжь [4, с. 2]. «Власть денег» разлагающе действовала на духовные запросы и религиозные настроения молодёжи и горожан в целом, что свидетельствовало о кризисе, происходившем в духовном мире людей на рубеже веков. Само посещение церкви иркутяне стали воспринимать не только в религиозном смысле, но и как светский акт. Здесь «...обменивались новостями, приглядывали женихов и невест». С другой стороны, на характер общения и поведения иркутской молодёжи оказывали влияние – неразвитость социально-культурных запросов населения, информационный вакуум в досуге, что способствовало восполнению досугового пространства новыми специфичными видами общения и поведения как у молодёжи, так и взрослых.

В 1884 г. «Сибирь» отмечала: «...досуг иркутян долгими осенними вечерами был скучен и однообразен: интимные беседы в укромном, теплом уголке, в кругу немногих приятелей. Для бездомных скитальцев и неисправимых холостяков открыты театр и два собрания. «Увы, прежнего веселья нет, дружеские вечеринки, где молодёжь весело танцевала под звуки фортепиано и пела хоровые русские песни, а старики баловались бостоном и водочкой – ушли в прошлое. Зато их место прочно заняли чопорные собранские вечера, где всё холодно, рассчитано, осторожно и скучно. Лишь не скучно азартным картёжникам да потребителям спирта с “солёньким”» [5, с. 1].

Само общество могло служить фактором воздействия на поведение и взгляды человека. В городском иркутском обществе бытовало: неджентльменское от-

ношение к женщине в гардеробе театра, непристойное поведение женщины на улице, грубое отношение взрослого человека к извозчику и др., что служило наглядным примером искажённого мира взрослых, формировало мнение о «норме» поведения взрослых [6, с. 215]. «В обществе царят подсиживание и подвохи, пропадало всякое желание бороться против грабежей, воровства, несправедливости» [7, с. 9–10]. Газета «Восточное Обозрение» отмечала: «При организации детских вечеров в Общественном Собрании можно было заметить великовозрастных девиц, которые отбивали у девочек юных кавалеров, что вызывало сильный ропот у учащихся девиц на танцах» [8, с. 2].

«Балы, где присутствовали дети, учили их кокетству, ухаживаниям, зависти, что делало их взрослыми раньше, развивая в них тщеславие, низшие инстинкты. На театральных маскарадах господствовал беззаветный канкан» [9, с. 6].

Жизнь городских улиц была весьма разнообразна и многолика, сама улица могла служить как позитивным, так и негативным фактором воздействия на воспитание молодёжи, её нравы и поведение. Не случайно современники отмечали, что «если центральные улицы как-то поддерживали приличие, то периферийные улицы даже в дневное время имели не только безобразный вид, но и славились неприглядными картинами городского бытия. Здесь обычным явлением были: пьянки, драки, скандалы преимущественно среди подростков и взрослых молодых людей». Газета «Сибирь» называла наиболее криминальными улицами: Блиновскую, Русиновскую, Преображенскую и др., где постоянно практиковались драки по вечерам, а с прохожих срывали вещи обыватели харчёвен и продажи, особенно безобразия, творились по субботам и праздникам [10, с. 237].

На улицах города создавались условия для уличных игр подростков и холостой молодёжи, которые, как правило, являлись способом не только досуга, но и самоутверждения для молодых людей. Эти игры не всегда были «безобидными». Среди подвижных игр выделялась игра «Догони». По этому поводу «Восточное обозрение» отмечало: «...на днях на проходившего через Иркутский мост некого К-ва бросилась ватага парней с криком: “Бей бекаса!” К-в начал было уговаривать их словами, но видя, что это не поможет, пустился бежать по направлению к городу. Парни бросились догонять его, бросая ему вслед камни, но догнать -ва не удалось» [11, с. 650].

Особым способом «развлекались» молодые холостые парни на улицах города, когда там гуляли девушки. Саврасы «гоняли» девушек на улице в шуточной форме. А в саду «лихие ребята» потешались тем, что пытались затащить девушек в кусты, отчего те сильно кричали. Будучи пьяными, парни кричали вслед убегающим девушкам: «Тпру!». «Саврасы и нахалы приставали со своими нескромными предложениями к девушкам несмотря на постовых» [12, с. 1].

Нередко девушки возвращались домой в слезах из-за нанесённых обид и даже боялись показаться на улице. Причиной такой «лихости» молодых людей служила чрезмерная регламентация и строгость в процессе воспитания детей в семье, что и порождало «противодействие» со стороны молодёжи действиям взрослых.

Газета «Сибирь» писала: «...наиболее опасным местом для прогулок женского пола была Кайская гора, хотя находилась в черте города, рядом с дачами и городскими строениями. При этом полиции была известна фамилия сексуального маньяка, которым являлся бессрочно отпущенный солдат Федяев. Солдат Федяев вылавливал девушек без сопровождения и склонял их на любовные предложения. В случае их отказа он прибегал к насилию. Однажды, он был пойман и доставлен в полицию, но был отпущен за 25 рублей. Если учесть, что в патриархальном обществе девичья честь оберегалась не только самой девушкой, но и родителями, то утеря её вне брака считалась отклонением. Поэтому важно было “не прокараулить” дочку» [13, с. 3]. Тем не менее внебрачные половые связи не были смертным грехом в Сибири, но рассматривались как аморальные.

Дореволюционный Иркутск не отличался полной безопасностью для его жителей. Наличие в городе огромного количества ссыльных, преступников, приезжих, поселенцев, военных, а также острая нехватка полицейских кадров и неразвитость городского благоустройства служили причинами роста криминала и хулиганства. По свидетельству неизвестного автора, написавшего очерк об Иркутске в 90-е гг. XIX в. известно, что «истинным несчастьем для иркутян являлись тёмные дождливые ночи, когда при лунном свете (фонари не зажигались) приходилось идти либо по грязи, либо, что ещё хуже, по тротуарам с дырами и прочими сюрпризами. Ввиду частых грабежей ходить ночью без револьвера было опасно. С 7–8 часов вечера извозчиков на биржах, исключая двух бирж на Большой улице, нет, а что говорить о периферийных улицах» [14, с. 24–51]. Автор обращает внимание на неудовлетворительное состояние иркутских гостиниц, многие из которых носят названия гостиниц или меблированных комнат – служат приютом для ночных оргий, карточной игры и т.д., и останавливаться там не следовало» [15, с. 35]. По «Петрушиной горе» в праздники прогуливались молодые парни, устраивающие всевозможные скандалы и драки, опасные для прохожих. Молодые хулиганы оскорбляли прохожих нецензурной бранью. Здесь же обитали любители кулачного боя, которые устраивали настоящие «побоища» с помощью «бокса» и камней, летевших на тротуары, грозя прохожим “просадить” головы» [16, с. 1].

В основном все эти непристойности связывались с употреблением алкогольных напитков. Широкое распространение получили питейные заведения, которые большинство публики посещало во время отдыха.

Среди питейных заведений выделялись «Дворянка», «Новый», «Епишиха», «Молотовка», «Малая», «Разгуляй» и др. [17, с. 102].

О росте пьянства среди населения свидетельствуют следующие цифры. В течение 1899 г. в городе было употреблено в расчёте на 40⁰ 140 тысяч вёдер водки и более 120 тысяч литров пива. Кроме того, иркутяне употребляли большое количество разных вин, коньяков, продававшихся в магазинах. И это при численности всего населения 60 тыс. чел.! При этом ведро водки тогда стоило – 6 руб. 50 коп., а ведро пива – 2 руб. Такой рост пьянства приводил к большому количеству преступлений и негативно сказывался на моральном облике иркутян [18, с. 347]. Алкоголизмом страдали в основном мужчины, по сословиям лидерами в этом были дворяне-чиновники, крестьяне и мещане. Но пристрастие к алкоголю имели не только беднейшие слои горожан и рабочих, но и богатые, особенно купцы – золотопромышленники, их дети, которые относились к «золотой молодёжи», нередко проявляли пристрастие к разгульной жизни.

В недельной хронике Иркутска сообщалось об осенних забавах молодых купцов, разъезжавших с удалью без всякого стеснения по Большой улице с колокольцами на лошадях, запряженных тройкой. С криком и свистом они гоняли взмыленную тройку по улицам города и наводили панику на обывателей (в то время как скромные почтовые тройки при въезде в город подвязывали колокольцы, чтобы не смущать привыкших к тишине и покою обывателей). Летом разудалые купеческие сынки забавлялись шумно и весело. В летние ночи подгулявшая компания забиралась на один из пустынных островов Ангары, напротив самого города, пускала ракеты, зажигала бенгальские огни. Всё это буйство сопровождалось пьяными криками, ревом до глубокой ночи. Они ложились спать прямо на мокром песке, к утру холодок вытрезвлял их, и вся гурьба направлялась в магазин под строгие очи хозяина уже в трезвом виде, как ни в чём не бывало [19, с. 2].

С пьянством теснейшим образом было связано растущее хулиганство части молодёжи, перераставшее и иногда в криминальные действия. Позже мелкое хулиганство вылилось в появление «дебоширов» нового типа – молодых людей с некоторым образованием, частью трезвые, устраивающие дебоши на Большой улице. Эти «саврасы» по вечерам быстро и стройно, проходя по улице, сталкивали встречных с тротуара, и, пользуясь дремотой сторожей, пытались скрывать вывески с магазинов. В итоге всё это завершалось нападением на прохожих не с целью ограбления, а из желания померяться силой [20, с. 1].

Развитие товарно-денежных отношений и торговых операций в городе на рубеже XIX–XX вв. способствовало развитию сферы обслуживания населения и росту числа развлекательных заведений. Все базары были окружены массой пивнушек и харчевен (по-местному

«чаёвня»), где процветал тайный разврат, о котором было всем известно. Город славился всякими притонами – рассадниками опасных болезней и венерических заболеваний среди молодого и старшего поколений.

Противоречиями наполнена хроника происшествий тех лет. В вечернее время набережная Ангары являлась опасным местом для прогулок. Здесь постоянно раздавались нецензурные песни, брань, неуместные шутки среди гулявших низших военных чинов и проституток [21, с. 2].

Уличная проституция прочно заняла место на Большой улице. Часов в девять вечера женщине нельзя было показаться без сопровождающего. Не случайно в деревне город считали «гнездом разврата». В Приангарье проституция и рост числа венерических заболеваний приняли большие размеры [22, с. 2].

Значительная раскрепощённость в поведении в праздничные дни, обильное употребление спиртных напитков, отсутствие полной регламентации и контроля за поведением гуляющих ввиду нехватки полицейских кадров зачастую приводили к печальным последствиям. Именно в период праздников, как отмечали современники, приходился наибольший процент преступлений. Газета «Восточное обозрение» писала об итогах Рождественских праздников: «...прошли они как всегда – через пьянство, обжорство, разврат, драки и семейные сцены, что было повсеместным и уже традиционным и привычным явлением в быту горожан» [23, с. 1].

Низкий уровень жизни молодёжи рабочего предместья, неразвитость социально-бытовой и культурной сферы, недостаток материального обеспечения, значительно обедняли жизнь городской молодёжи на окраинах города. Именно на окраинах, как правило, был сосредоточен весь пришлый и бедный люд, с изначально низкими стартовыми возможностями в жизни. Не случайно местная передовая печать на страницах своих газет была тревогу о росте преступности, криминала и числа происшествий именно на окраинах города, хотя и центр не отличался спокойствием. Поэтому молодёжь рабочих посёлков, не имея других возможностей устроить свою жизнь, зачастую была подвержена депрессии и бросалась в крайности, не всегда имевшие хорошие последствия. Одной из распространенных форм самовыражения молодёжи и средством снятия физического напряжения выступали так называемые кулачные бои на льду Ангары, Ушаковки в зимнее время.

Местная печать писала: «Ещё в ноябре 1894 года, на замёрзшей Ушаковке, встречались рабочедомские и городские парни и шли «стенка на стенку», то уже с 1 декабря 1895 года начались настоящие битвы, в которых участвовали вместе с малолетками и взрослые мужчины. В ход шло всё: кулаки, камни, кирпич. Битвы сопровождалась дикими свистами, криками, визгом, режущими слух. В это время, проходить и про-

езжать мимо мест побоищ, было делом небезопасным. Бывали хулиганства и пострашнее» [24, с. 326].

В праздничные дни хулиганство и кулачные бои получали большой размах Полчища «рабочедомских» и «городских» сорванцов дрались на камнях, кулаках до травм, вплоть до смерти. Кулачные бои на местной ушаковской пристани происходили не только среди рабочих лесозаготовок, но и между складчиками и лесоторговцами. Часто бои происходили между близкими знакомыми и друзьями из-за женщин. Две стороны дрались «не на жизнь, а насмерть»; к концу боя в ход шли стяги, и лишь вмешательство зрителей, боявшихся стать свидетелями уголовщины, положило конец «бою местных петухов» [25, с. 3].

Таким образом, следует отметить, что в условиях начальной модернизации в Сибири в конце XIX – начале XX в. в городском обществе на всех уровнях наметились и получили дальнейшее развитие различного рода изменения, в том числе на уровне социальных и возрастных групп населения. Строительство железной дороги, увеличение потока переселенцев, миграция сельского населения в город, демографический рост, развитие общественного сознания и инициативы местной интеллигенции, значительно изменили как облик Иркутска, так и менталитет его жителей. Динамичное развитие новых отраслей, особенно в сфере обслуживания и торговле, рост товарооборота, появление новых капиталов, наряду с позитивными явлениями, порождали массу противоречий и отклонений среди горожан, особенно это касалось подростков, молодёжи. Городская молодёжь, ввиду возрастных особенностей и образа жизни быстрее была подвержена

нововведениям, быстро впитывала новшества, которые нес собой капиталистический уклад, вступая в противоречия с традиционным привычным укладом жизни и системой ценностей. На рубеже XIX–XX вв. в молодёжной среде получили распространение и развитие такие виды девиации, как внебрачные половые связи, грубость и непочитание родителей, формальные или фактические разводы супругов, тяжбы из-за наследства и разделы имущества между отцами и сыновьями, пьянство, проституция. И как следствие всего этого, ослабление внутрисемейных связей, грубость в молодёжной среде, рост числа преступлений, хулиганства, венерических заболеваний, самоубийств, потеря смысла жизни. Во многом такому положению вещей способствовали экономические перемены в регионе, размывание внутрисословных рамок, общая демократизация общественной жизни, постепенное отмирание традиционных ценностей, ослабление роли церкви и духовный кризис в обществе. Росту количества аномальных явлений у молодёжи значительно способствовали: городская среда, низкий уровень развития городского благоустройства, недостаток культурно-просветительных учреждений, чрезмерная их регламентация властями, градация молодёжи по сословному, профессиональному и социальному признаку, неравномерное развитие центра и окраин города. В такой ситуации существовавшие социальные институты: власть, церковь, семья, школа и общество – были призваны бороться с отклонениями молодёжи, опираясь как на силу закона, церковных и нравственных норм и запретов, традицию, так и общественное мнение.

Библиографический список

1. Цурмаст, М.В. Ценностные ориентации и духовно-нравственное развитие современной молодёжи / М.В. Цурмаст // Молодёжь Забайкалья: дорога в будущее : материалы IX Междунар. молодёж. науч.-практ. конф. Чита, 20–21 апреля 2005 г. – Чита, 2005.
2. Ланцова, Л.А. Социологическая теория девиантного поведения / Л.А. Ланцова, М.Ф. Шурупова // Социально-политический журнал. – 1993. – №4.
3. Енисей. – 1895. – 12 марта (№80).
4. Сибирь. – 1882. – 10 февр. (№22).
5. Сибирь. – 1885. – 1 янв. (№1).
6. Давыдов, С.В. Влияние городской среды на процесс социализации подрастающего поколения в городах Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук / С.В. Давыдов. – Иркутск, 2004.
7. Сибирь. – 1884. – 20 марта (№43).
8. Восточное обозрение. – 1894. – 3 нояб. (№4).
9. Сибирь. – 1879. – 7 янв. (№47–48).
10. Севостьянова, Г.В. Общественная инициатива и культурная жизнь жителей губернских центров Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук / Г.В. Севостьянова. – Иркутск, 1998.
11. Вязовский, И. Столица Сибири (наброски) / И. Вязовский. – Иркутск, 1912.
12. Восточное обозрение. – 1898. – 26 окт. (№72).
13. Енисей. – 1895. – 16 апр. (№ 81).
14. Иркутск 90-е гг. XIX века (неизв. авт.) – Иркутск, 1891.
15. Иркутск 90-е гг. XIX века (неизв. авт.) – Иркутск, 1891.
16. Восточное обозрение. – 1900. – 27 мая (№116).
17. Гаврилова, Н.И. Общественный быт горожан Иркутской губернии второй половины XIX в. : дис. ... канд. ист. наук / Н.И. Гаврилова. – Иркутск, 2002.
18. Иркутские повествования 1661–1917 / сост. А.К. Чернигов. – Иркутск, 2003.
19. Восточное обозрение. – 1889. – 3 сент. (№36).
20. Восточное обозрение. – 1897. – 4 июля (№89).
21. Сибирь. – 1880. – 15 янв. (№31).
22. Восточное обозрение. – 1898. – 9 авг. (№20).
23. Восточное обозрение. – 1898. – 26 окт. (№72).
24. Романов, Н.С. Летопись г. Иркутска за 1887–1901 гг. / Н.С. Романов. – Иркутск, 1997.
25. Восточное обозрение. – 1889. – 10 сент. (№38).